

"ЧИТАЛКА "ШБ"

Ю.Н. СТОЛЯРОВ,
доктор педагогических наук,
профессор Московского государственного
университета культуры и искусств

Роль книги, библиотеки в судьбе героев «Евгения Онегина»

*Но на чужой манер
Хлеб русский не родится.*

Поэт А. ШАХОВСКОЙ, 1808,
процитированный А.С. Пушкиным

Если исходить из того, что "Евгений Онегин" — "энциклопедия русской жизни", то в этой энциклопедии должно найтись место теме книги, теме библиотеки.

Я решил прочитать роман под этим углом зрения — и что же обнаружилось? "Евгений Онегин" повернулся неожиданной гранью и засверкал новыми искрами. Тема книги, библиотеки, чтения пронизывает всё произведение. Мало того, роман-то, оказывается, о том, что книжная культура — западная книжная культура — несвойственна русской почве и плохо на ней приживается. И что, следовательно, нам нужна собственная литература, нужна принципиально иная литературная мода, мода на хорошую русскую литературу.

Давайте посмотрим, на чем воспитаны основные персонажи пушкинского романа; посмотрим, сделало ли их счастливым такое воспитание.

Евгений Онегин. Он получил разностороннее, но поверхностное образование и более всего прилепился к английской культуре и литературе.

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом.

Относительно "глубокого эконома" — это всего лишь тонкая насмешка: все экономические затеи Онегина на английский лад в деревне быстро провалились.

Онегин и внешне похож на английского денди. Им овладел недуг, "подобный английскому спли-

ну". Иноязычный "сплин" — тоже ирония, Пушкин тут же поясняет, что имеет в виду русскую хандру. В гостиных Онегин появлялся "как Чайльд Гарольд, угрюмый, темный", равнодушный ко всему, в том числе к любой литературной культуре. Пушкин перечисляет известных в ту пору авторов. Среди них есть и русские — Фонвизин, Княжнин, Озеров, Катенин, Шаховской. Впрочем, большинство из них занимались переводами и переделками зарубежной литературы. Онегин же

...на сцену

В большом рассеяньи взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: "Всех пора на смену"...

Уставши от света, наш герой заперся дома, сформировал личную библиотеку и стал усердным читателем:

Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а все без толку.

Но и эта затея окончилась бесславно:

Как женщин, он оставил книги.
И полку с пыльной их семьей
Задернул траурной тафтой.

Заботился, между прочим, о сохранности книг: черная ткань, если подойти прозаически и профессионально, предназначена для защиты книг от вредной солнечной радиации. Герой романа владел этим библиотечным приемом.

О культуре дяди, наследником которого стал Евгений, сообщается, среди прочего:

Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил,
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливок целый строй,
Кувшины с яблочной водой

И календарь осьмого года (т.е. примерно десятилетней давности, морально устаревший. — Ю.С.);

Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

Подшучивая над стариком, Пушкин дает понять, что дядя был малообразованной личностью, с левыми культурными запросами.

Владимир Ленский. Он появился в своем поместье одновременно с тем, как в своем поместье оказался Онегин. Ленский воспитан на немецкой литературе. Вот что читатель узнает о нем с первых же строк знакомства:

...По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды...

и т.д.

Соответственно германской культуре той поры Ленский воспитан в романтическом духе.

Он с лирой странствовал на свете,
Под небом Шиллера и Гете.
Их поэтическим огнем
Душа воспламенялась в нем...

Дворянина с самым что ни на есть славянским именем Владимир окрестные помещики восприняли как "полурусского соседа", живущего в иллюзорном мире:

Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

Даже на смерть Дмитрия Ларина Ленский отреагировал сравнением с зарубежным литературным персонажем — бедным Йориком. Этой короткой фразой сказано многое: и то, что у Ленского нет соответствующего случаю русского жизненного опыта; и то, что Йорик здесь совершенно не к месту.

Автор неспроста в примечаниях сослался одновременно и на Шекспира, у которого Йорик — шут датского короля, и на Стерна, у которого Йорик — пастор. Пушкин тем намекнул, что Ленский толком не знает, которого из этих двух персонажей он имеет в виду, а Йорик ему понадобился только из-за возможности использовать уместное в данном случае соболезнующее слово "бедный".

Ольга. Ольга — персонаж малоинтересный, поскольку далека от какой бы то ни было литературы. Посвятив ей всего несколько строк, Пушкин довольно бесцеремонно прерывает сюжет:

Глаза, как небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге ..., но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

Итак, образ Ольги типичен для литературы пушкинской поры, но тем и неинтересен — в словах "надоел он мне безмерно" дано отношение автора к современной ему литературе как тривиальной, неспособной по-настоящему заинтересовать читателя, воспитать его в нужном ключе.

Татьяна Ларина. Как и ее мать, она воспитана на французской литературе. В молодости мать

...была сама
От Ричардсона без ума.

Но это увлечение было всего лишь поверхностной данью моде:

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина
Твердила часто ей об них.

В замужестве она быстро забыла французские романы, да и вообще французскую моду (сначала "Звала Полиною Прасковью // И говорила нараспев // Корсет носила очень узкий // И русский Н как N французский // Произносить умела в нос"), и "стала звать Акулькой прежнюю Селину // И обновила наконец // На вате шлафор и чепец", т.е. вконец одомашнилась.

Но Татьяне французские романы заменяли всё:

Она влюблялась в обманы
И Ричардсона, и Руссо.

Неудивительно, что она обманулась и в Онегине, приписав ему желаемые качества героев преимущественно из французских романов:

Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон, —
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

Собственно само действие "Евгения Онегина" начинается с того момента, когда читатель готов к тому, что дальше начнется схватка носителей столь разных, но равно чуждых реальной русской жизни культур.

Однако прежде он изрядно и тонко поиронизировал над недостатком русской культуры у ее привилегированных носителей-дворян. Объектом иронии взята главная героиня — по принципу "Платон мне друг, но истина дороже". При том, что Татьяна, "русская душою", сформированная "страшными рассказами зимою в темноте ночей":

Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своем родном.

Правда, вина в этом не столько в воспитании Татьяны, сколько в отсутствии достойной чтения прессы:

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С "Благонамеренным" в руках!

Дамы:

Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом
Его так мило искажали,
И в их глазах язык чужой
Не обратился ли в родной?

Пушкин принципиально не считал нужным привести письмо Татьяны к Онегину, так сказать, в оригинале, хотя французский он знал в совершенстве — недавно еще в лицее у него было прозвище "Француз":

Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.

Над своим "переводом" Пушкин тоже то ли иронизирует, то ли напрашивается им на комплимент:

... но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.

На самом деле верно иное: передав чувства Татьяны в совершенстве, Пушкин как бы имеет в виду, что русский язык настолько богат, что при желании (и умении, конечно) им можно выразиться стократ возвышеннее и сильнее.

Письмо и сцена объяснения — первая коллизия столкновения двух русских людей, воспитанных разными, но равно иноземными культурами. Итог — неутешительный — известен.

Татьяна пытается прозреть сначала посредством отечественной литературы. Стремясь расшифровать свой сон, она обращается к предметному указателю (библиотекари, обратите внимание!) толкователя снов — любимой своей книге: этот сонник "отрады во всех печалях ей дарит и безотлучно с нею спит".

Эти слова понадобились для того, чтобы подчеркнуть, что героиня хорошо ориентировалась в справочном аппарате Сонника. Поскольку

Ее тревожит сновиденье,
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавленье кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Ёж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая.

Но околотитулатурное чтение, естественно, оказывается беспомощным в столь серьезном случае. Лучшей литературы в то время фактически и не было. Об этом красноречиво свидетельствует история приобретения сонника. Его привез кочующий купец наряду с разрозненной "Мальвиной", собранием каких-то басен и иных подробно перечисленных Пушкиным книг.

Истинную душу Онегина Татьяна познает путем внимательного ознакомления с его библиотекой:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы

Устремлены на них живей.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольню выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.
И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной

и т.д.

Онегин предстает перед ее взором как подражатель модным английским литературным героям, как эпигон, "москвич в Гарольдовом плаще". Вне чтения книг не сформировались бы ни личность Онегина, ни прозрение Татьяны, ознакомившейся с его библиотекой.

Еще более драматичным стало противостояние себялюбия, сухости, озлобленного книжного ума (Онегин), с одной стороны; книжного романтизма (Ленский), с другой; книжной глухоты (Ольга) — с третьей.

Взаимоотношения Ленского и Ольги переданы главным образом через тему чтения и стихосочинительства:

Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман...
Поедет ли домой, и дома
Он занят Ольгой своей.
Летучие листки альбома
Прилежно украшает ей

[перечисляются банальные рисунки]

То на листках воспоминанья
Пониже подписи других
Он оставляет нежный стих,

Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет.

Дальше следуют полушутливые рассуждения о том, что должно писать поэту: модные мадригалы, элегии или оды. У Пушкина все полно значения, но чисто литературоведческий смысл этих строк мы в данном случае опустим. Для нашей темы важно иное: он подводит читателя к выводу, что любые литературные изыски Ольге глубоко безразличны:

Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.

Легкомысленная, лишенная серьезной внутренней культуры Ольга недолго плакала от потери возлюбленного и вскоре стала под венец с безымянным уланом и исчезла со страниц романа.

Вернемся к образу Татьяны.

В Москве ей скучно, она мысленно стремится к прежней жизни и в особенности "к своим романам", с которыми она чувствовала себя более комфортно, чем в реальной жизни.

В развитии сюжета появляется второе письмо — Онегина к Татьяне. Об этом письме автор сообщает: "Вот вам письмо его точь-в-точь". Из этого можно заключить, что оно написано по-русски, т.е. что Онегин, волею Пушкина, посчитал, что выразить свои чувства лучше всего можно именно на этом языке.

Не получив ответа,
Стал вновь читать он без разбора,
Прочел он Гиббона, Руссо

и так далее. Конкретно названо десять имен зарубежных авторов. Наконец-то главный герой

Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы.

А результат? — Хотя глаза его читали, но мысли были далеко. Онегин, к юмористическому ужасу Пушкина, едва не стал поэтом сам. Здесь снова проявляется тема художественного творчества как едва не ставшего определяющим в жизни его героя. Напомним, что одного поэта автор уже похоронил, дав понять, что лучше обходиться без поэзии, чем с творениями многочисленных стихоплетов. (Между прочим, убедить, что Ленский поэт посредственный ("его стихи, полны любовной чепухи"), автору не удалось: за исключением первой "кудахтающей" строки — Куда,

куда вы удалились — весь остальной текст его предсмертного стихотворения отмечен гением Пушкина).

К слову, перед дуэлью Ленский искал успокоения, читая Шиллера, — так вновь прорезается сюжет книги, чтения.

В объяснении Онегина с Татьяной примечательно ее самое сильное желание: отдать все обретенные блага "за полку книг" и прочие прелести своей прежней жизни.

Схватка английской и французской книжных культур, безосновательно перенесенных на русскую землю, тоже кончается драмой. Вот о чем, оказывается, роман "Евгений Онегин"!

Таким образом, тема книги, чтения, библиотеки действительно проходит через все произведение и играет определяющую роль в поведении и судьбе героев.

Можно допустить, что "Онегиным" Пушкин — один! — сумел изменить литературную и вообще культурную моду своего времени. Русское общество начало охладевать к западной культуре и обратилось к оригинальным творениям собственных авторов. А те, почувствовав (быть может, интуитивно) поддержку гения, стали расцветать один за другим.

Об изменении читательских пристрастий — смею утверждать: главным образом под влиянием пушкинского творчества — свидетельствуют современные вполне серьезные социологические исследования. В 1820-е гг. была "более значима иностранная литература", но "в дальнейшем структура литературных авторитетов ... претерпела кардинальные изменения". "В период 1840-1841 гг. мы имеем дело с принципиально иной, в сравнении с предыдущим замером, литературной ситуацией... почти полностью меняется набор наиболее часто упоминаемых писателей, причем на первое место выходит А.С. Пушкин... Две трети упомянутых в этот период писателей — зарубежные, но теперь в поле зрения рецензентов входит именно современная словесность... [в 1860-1861 гг.] литература ... понимается прежде всего как литература отечественная".¹ Эта тенденция прослеживается во всех последующих периодах. Даже в первые советские годы, в эпоху Пролеткульта с его призывом "скинуть Пушкина с корабля современности", "наиболее актуальной оказалась эпоха "начала" русской литературы (ее "золотой век" и, прежде всего, А. Пушкин). Как и во всех последующих случаях, Пушкин выступал, с одной стороны, "горизонтом" и пределом в истолковании последующей литературы (ссылки на "пушкинские традиции" оказывалось достаточно), с другой же — самым ее центром, так что вокруг его имени всякий раз выстраивалась новая традиция, его

¹ Дубин В.В., Рейтблат А.И. О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820-1978гг.) // Книга и чтение в зеркале социологии. — М.: Книж. палата, 1990. — С. 158-159.

же именем скрепляемая с целостностью русской литературы, да и литературы как таковой".²

Американский славист Пол Дебрецени в книге "Социальные функции литературы: Александр Пушкин и русская культура" (Стэнфорд, 1997. 282 с. на англ. яз.) проанализировал 24 школьных хрестоматии и 19 школьных курсов истории русской литературы за период с 1820-х гг. до 1917 г. и выделил наиболее часто включаемые в них произведения. Он пришел в выводу, что отраженные во всех них творения Пушкина формировали "русскость" массового сознания подрастающих поколений: создавали национальный литературный язык, показывали русский национальный характер, прививали любовь к отечественной истории, родному краю, фольклору и т.д.³ Формировать и укреплять русский национальный дух и характер Пушкин продолжает и сейчас!

Еще подробнее и интереснее этот вывод подтверждает книга А.И. Рейтблата "Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи" (М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 329 с.). Чего стоит одно только название-цитата первой главы «"Дайте нам пищу в отечественной литературе, и мы откажемся от иностранной" (формирование читательской аудитории)». А в главе содержится анализ круга чтения всех сословий России начала XIX века. Автор показывает, что если при Ломоносове чтение было напряженным занятием, то при Пушкине оно стало потребностью общества (с. 17).

² Там же. — С. 161.

³ См.: Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. —

Прерву себя сам, чтобы не увлечься и не уйти в другую тему и другой жанр, — рецензию на великолепную и прекрасно иллюстрированную книгу А.И. Рейтблата.

Продолжу вязь своих изначальных рассуждений.

Можно предположить также, что, призывая воспитывать юное поколение высокохудожественной отечественной прозой и видя ее отсутствие, Пушкин принялся лично восполнять этот пробел. Вот где таится причина или, по крайней мере, одна из причин его обращения к прозе!

Прозу он использовал, между прочим, и для неявной полемики со своими критиками. К примеру, в примечании к строке в "Евгении Онегине" "В избушке распевая, дева..." он констатировал: "В журналах удивлялись, как можно было назвать девою простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы девчонками!" А в примечании к строке "Девчонки прыгают заране", относящейся к "созревшим барышням", Пушкин еще раз отмечает, и опять без комментариев: "Наши критики, верные почитатели прекрасного пола, сильно осуждали неприличие сего стиха".

Значит, критика задела Пушкина. Почему же он на нее не отреагировал — ни стихи не исправил, ни критикам свой взгляд не разъяснил?

Однако ответ он дал, позднее, — своей прозаической повестью с шокирующим названием "Барышня-крестьянка". Одна и та же героиня — дворянка Лиза — на Алексея в своем истинном обличье барышни никакого впечатления произвести не сумела, зато в образе крестьянки быстро завоевала его сердце. Вот и судите, может ли крестьянка быть барышней.

Новые сюжеты, новая манера письма были приняты современниками, даже В.Г. Белинским, прохладно. Однако Пушкин "придавал своим повестям принципиальное значение", полагая, что "писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно".⁴

Прошли годы, пока пушкинский прозаический, так же, как и поэтический, стиль стал признан классическим.

От автора:

Коллеги-библиотекари!

Каково Ваше впечатление от прочитанной статьи? Выясните также мнение о ней ваших читателей, особенно учителей-словесников. Попросите их обсудить статью со старшеклассниками, в литературных студиях. Соберите письменные отзывы и пришлите их к нам в редакцию. Мы уверены, что читательские мнения будут интересны всем!

⁴ См.: Примечания // Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х т. — Т.3. — М.: Худож. лит., 1974. — С. 581.